

Жюльетта Бенцони
Оливье, или Сокровища тамплиеров
Серия «Шевалье», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3914595

Оливье, или Сокровища тамплиеров / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. Е. Д. Мурашкинцевой]:

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56883-3

Аннотация

Франция. Начало XIV века. Король Филипп Красивый обрушил свой гнев на могущественный орден тамплиеров, который несметными богатствами и обширными владениями давно вызывал немилость высшей власти. Отважному рыцарю-тамплиеру Оливье де Куртене поручают спасти Ковчег Завета, спрятав его в надежном месте, куда не смогли бы добраться верные слуги короля. Но это не единственная миссия, возложенная на Оливье. Ему предстоит вынести множество испытаний и невзгод, пережить немало грозных опасностей, прежде чем рыцарь сможет принять тот факт, что Храм прекратил свое существование, а значит, впереди новая, совсем другая жизнь...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	20
Глава I	20
Глава II	35
Глава III	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Жюльетта Бенцони

Пролог Владычица Валькроза

Санси смотрела на звезду.

Пять серебряных лучей, образующих гербовый щит на лазурном небе, сверкали на солнце: они были подвешены к длинной цепи, которую бесстрашные люди натянули между двумя похожими друг на друга острыми горами, торчавшими, как два шпиля, над деревней Мустье. Именно об этом фантастическом приношении в честь Богородицы мечтал рыцарь Гийом де Блака, находясь в тюрьме в Мансуре¹. Он хотел, чтобы цепи с щитом посередине были похожи на ожерелье, и цели своей он достиг. Томясь в застенках, он принес клятву Деве Марии, что из своих цепей пленника и звездного герба он возведет величественный бессмертный памятник, который сквозь века пронесет славу матери Иисуса. И Санси любила звезду так, как любила вознесенную на вершину часовню Нотр-Дам-д'антре-Мон², куда много раз приходила, чтобы облегчить душу и попросить помощи, ибо по традиции и согласно народным верованиям это маленькое, изумительно украшенное святилище обладало безграничной силой. Говорили даже, будто мертворожденные младенцы обретали в нем жизнь...

Никогда Санси ни о чем подобном не просила. Раньше ее молитвы были более скромными, и, возможно, именно поэтому часто случалось, что они исполнялись. Вот почему при каждом своем посещении она умалчивала свою главную просьбу, хотя прекрасно понимала, что Деве Марии придется сильно потрудиться для того, чтобы ее желание исполнилось.

Солнечные лучи касались звезды, зажигая на ней молнии, невыносимые для усталых глаз. Санси перекрестилась и вошла в часовню. Толстые стены под сводом низкой романской церкви сохраняли здесь свежесть и полумрак, благодаря которым быстро исчезло из глаз красное пятно, порожденное долгим созерцанием этой удивительной звезды, чье сияние могла погасить только ночь.

Она положила перед алтарем, где стояла древняя, примитивная, но трогательная статуя Девы Марии, охапку принесенного ею дрока. Ослепительный желтый цвет сразу осветил маленькую часовню, где горела лишь единственная толстая свеча, которую каждое утро зажигали монахи-бенедиктинцы, заселившие около V века монастырь Сен-Онора-ан-Лерен, и чьи владения позже способствовали появлению деревни. Сегодня Санси была здесь одна, что случалось редко, поскольку молитвенный дом пользовался большой популярностью у паломников. Но прошлой ночью в горах случилась буря, и скверная погода помешала путникам тронуться в путь. Но этого было мало, чтобы остановить владычицу Валькроза. Поэтому брат Альбер, старый монах, которому поручено было встречать паломников этим утром, хорошо знавший и саму Санси, и присущую ей щедрость, встретил ее с большой теплотой. Понимая, как она будет признательна ему за возможность побыть в одиночестве, он удалился с улыбкой на сомкнутых губах, призванных скрыть прискорбную нехватку зубов, которая объяснялась преклонным возрастом. Но прежде вручил ей толстую свечу, которую Санси обычно просила.

---

¹ Эль-Мансура – город в Египте, в дельте Нила, примерно в 120 километрах к северо-востоку от Каира. (*Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.*)

² Французское название переводится как «собор Богородицы между горами».

Оставшись в часовне полной хозяйкой, Санси расставила свои цветы в глиняные горшки, специально приготовленные для этого, зажгла свечу, поставив ее так, чтобы лицо Марии было освещено, встала на колени и, сложив руки, начала молиться... Сначала это были обычные литании, где чередовались «Ave Maria»³ с другими священными текстами. Но она понимала, что просьбу ее выполнить будет нелегко. Возможно, даже труднее, чем оживить мертворожденного младенца. Какие слова найти, сколько слез пролить, чтобы Богоматерь растрогалась и согласилась изгнать из души Оливье ужасное желание стать тамплиером? Как сделать так, чтобы мать Иисуса одобрила намерение своей жалкой рабы Санси и сделала так, чтобы Оливье, желавший посвятить себя служению ее сыну, отказался от своего намерения. Он не хотел похоронить себя под рясой в безмолвии монастыря, напротив, Оливье стремился носить рыцарское одеяние, сражаться при свете дня во славу Божию там, где требовалось служить Ему.

Шел 1288 год. Тамплиеры по-прежнему удерживались на Святой земле, поскольку смерть грозного султана Байбарса⁴, случившаяся одиннадцать лет назад, позволила рыцарям Храма вновь дышать свободно в нескольких, еще оставшихся у них (как и у госпитальеров и тевтонов) городах. К тому же, они развернули целую сеть бальяжей⁵ и командорств по всей Западной Европе. Разбогатев, благодаря дарам и пожертвованиям, принесенным им за полтора века, они стали первыми западными банкирами и обладали таким могуществом, что могли давать деньги в долг королям. Гордые своей отвагой, в которой никто, за редчайшими исключениями, не сомневался, они представляли собой образ, вполне способный – и еще как способный! – воспламенить душу юноши. Санси это отлично понимала, но хранила в своем сердце ужасную память о костре неподалеку от Тивериадского озера – костре, в который бросился живой человек, проклянув перед этим Храм. Храм проклят, Храм погибнет, и уничтожит его король, не смыкающий глаз ни днем ни ночью.

И вот уже три года французский трон занимал внук короля Людовика IX⁶. Филиппу IV было сейчас двадцать лет, и с детства его прозвали Красивым. Не было на свете более прекрасного властителя... и более холодного, более скрытного. Рассказывали, что невозможно было вынести тяжелый взгляд его голубых ледяных глаз, настолько они были непроницаемыми. Говорили, будто он никогда не моргает, и пораженные этим известием придворные с изумлением задавались вопросом: закрывает ли он глаза, когда спит? Старик сказал тогда, что Храм погибнет через пятьдесят лет, и с того дня прошло уже тридцать семь. Оставалось очень мало времени. И Санси де Куртене, дама Валькроза, пришла к Богоматери с мольбой спасти сына от столь зловещего будущего, переполнявшего ее ужасом. К тому же, в глубине души она сомневалась в подлинности этого призвания, которое обнаружилось слишком уж внезапно, после того, как все узнали о помолвке красотики Агнессы де Барьоль с одним из Эспарронов. Но Оливье в ответ на деликатные расспросы матери категорически отверг намерение жениться на этой девушке, а он никогда не лгал: для этого он был слишком горд, да и сама Санси не настаивала, полагая, что это вполне возможно, – ее сын мог и не догадаться о своем тайном чувстве...

Оливье! Санси любила его беззаветно, поскольку и для нее, и для Рено, ее мужа, появление младенца на свет стало настоящим чудом...

---

³ «Славься, Мария» – начальные слова самой знаменитой молитвы, посвященной Деве Марии.

⁴ Султан Байбарс, или Бейбарс (1260–1277) – мамлюкский султан Египта, известный успешными действиями в Сирии и Палестине против монголов и крестоносцев.

⁵ Бальи (представитель короля или сеньора в дореволюционной Франции), управлявший областью под названием «бальяж» и осуществлявший в ней административную, судебную и военную власть.

⁶ Канонизация произойдет только в 1297 г. (Прим. автора.)

Покидая Сен-Жан-д'Акр⁷ после ночного бракосочетания, наспех устроенного королем Людовиком IX, которому не терпелось избавиться от человека, вызвавшего излишне нежную склонность его прекрасной супруги Маргариты Провансальской, Санси де Синь, владычица Валькроза, знала, что поспешное отплытие на марсельском корабле не было путешествием навстречу счастью, хотя впервые остановиться на долгом пути им предстояло на Кипре, острове любви. Она всей душой любила Рено с двенадцати лет, и любовь эта устояла после брака со старым, хотя и очаровательным Адемаром де Валькрозом, который сумел подарить ей счастье, так и не сделав ее женщиной. А Рено любил королеву Маргариту – с того момента, как впервые преклонил перед ней колени. Санси знала об этом и, хотя была уверена, что чувство ее останется безответным, согласилась выйти за него только потому, что об этом умоляла Маргарита, ее крестная мать, которую она горячо любила. Это было единственным средством вырвать из рук палача слишком обольстительного Куртене, ведь король застал его в спальне жены. Конечно, это случилось при весьма драматических обстоятельствах, но они были столь двусмысленными, что вызвали ревность у человека, которого, по всеобщему убеждению, церковь, рано или поздно, включит в число своих святых. Возможно, именно по этой причине, а еще потому, что, почувствовав себя способным на столь человеческую страсть и ощутив унижение вкупе с гневом, Людовик не пожелал слушать никаких объяснений. Так и сложился этот брак, принесший Санси только дополнительную боль. Его тоже, по настоянию самой Санси, нельзя было назвать настоящим. Даже если Рено придет однажды умолять ее, она не уступит ни ему, ни собственной страсти: она считала свое тело недостойным любимого человека, ведь ее осквернил неверный принц, который завладел ею хитростью... и оставил в ней свое семя...

После Кипра, где они надолго не задержались, путешествие стало отвратительным. Казалось, все штормы Средиземного моря сговорились назначить друг другу свидание на пути корабля, пассажиры которого, страдая одновременно от замкнутого пространства и жуткой качки, испытывали неудержимые позывы к рвоте и невыносимые головокружения: между приступами тошноты все лихорадочно молились, почти не замечая отвратительной вони. Когда же морская болезнь затихала или вызывала некоторую привычку, каждый лихорадочно цеплялся за что-нибудь крепкое или гибкое – только бы не улететь за борт или не врезаться головой в палубные перегородки, когда выползаешь на воздух из каюты, чтобы подышать свежим воздухом.

За исключением экипажа и – бог знает, почему – Рено, а также его старого конюшего Жиля Пернона, Василия, юного греческого друга и постоянного спутника, и стойкой Онорины, служанки Санси, все, оказавшиеся на борту, тяжело страдали, а Санси больше других. И особенно той ночью, когда она упала с лестницы на задней палубе и потом долгие часы испытывала невыносимые страдания: закусив зубами салфетку, чтобы заглушить крики, она потеряла свой ненавистный плод, зачатый на берегу озера Хула⁸. Онорина помогала ей с таким же спокойствием, как если бы они находились в тихой спальне, а не в закутке корабля. Ей удалось уберечь свою хозяйку от нескромных – очень редких! – взглядов, и когда над Мессинским проливом⁹, затихшим, наконец, после бури, занялся рассвет, все следы ночного происшествия исчезли в волнах, а измученная Санси забылась сном. Ради удобства и соблюдая приличия, женщины поселились на отдельной половине корабля, и Рено даже ни о чем не догадывался.

Когда судно добралось до Марселя, странная чета, которая обменивалась ничего не значащими словами – большей частью играя на публику, рассталась. Чтобы не умалять

⁷ Столица Иерусалимского королевства крестоносцев в Палестине.

⁸ Озеро в Израиле, в 20 километрах от Тивериадского озера.

⁹ Пролив между восточным берегом Сицилии и южным берегом Калабрии.

достоинства молодой женщины и придать хоть какую-то достоверность поспешному отъезду, король вручил шевалье де Куртене (которому он передал замок и земли Куртиль, принадлежавшие его приемным родителям) письмо к своей высокородной матери-регентше, чье здоровье его сильно тревожило. Ответ на письмо должен был привезти другой посланец, а Рено разрешалось поступать в соответствии со своими пожеланиями. Что касается Санси, то она отнюдь не горела желанием вновь увидеть Париж, дворец в Сите и, самое главное, Бланку Кастильскую, которую некогда с обезоруживающей откровенностью именвала «старухой». Кроме того, путешествие сильно ее утомило – ей был необходим отдых.

Она решила передохнуть у бернардинок монастыря Сен-Виктор, где настоятельницей была ее кузина, и супруги расстались перед входом в аббатство. Санси – с деланным безразличием, которого отнюдь не испытывала, а Рено – с нескрываемой тревогой.

– Вы переутомились. Позвольте мне хотя бы проводить вас до вашего замка. Если я правильно понял, вам предстоит долгий путь.

– Но я не поеду завтра же, не беспокойтесь! И я не буду торопиться, буду делать остановки, например, в Синь, где живет моя семья...

– Неужели в Провансе столь надежные дороги, что вы рискнете выехать только с одной Онориной? Разрешите мне отдать вам Пернона... и Василия. Ему всего двенадцать лет, но он такой резвый!

– Оба не хотят расставаться с вами. Без вас им будет плохо в краю, который совершенно им не знаком.

– Значит, я ничем не могу вам помочь?

– Это не так. И произнесенные мною слова вовсе не означают, что Валькроз закрыт для них. Как и для вас, – добавила она после легкой заминки. – Но вы торопитесь, а я никуда не спешу. Вот почему я вернусь домой под защитой эскорта, который мне без труда обеспечит кузина Катрин. Когда же вы выполните свою миссию, никто не помешает вам присоединиться ко мне. Наш брак сделал и вас владельцем Валькроза...

– А вы уверены, что хотите этого? Со временем, возможно, наши отношения изменятся, но в ближайшие дни это маловероятно. Впрочем, поскольку вы спасли мне жизнь, дав согласие выйти за меня замуж, вы можете полностью располагать мною...

Глубокие черные глаза, которые так любила Санси, – глаза сарацина на смуглой коже, так удивительно контрастировавшие со светлыми кудрями! – замерли в ожидании ответа, а вот голос звучал равнодушно. Ей показалось, что Рено всего лишь отдает долг признательности. Поэтому она удержалась от желания сказать рыцарю, что его возвращение будет для нее величайшей радостью, ведь тогда ей пришлось бы признаться, сколь отчаянно она жаждет его присутствия рядом с ней. Санси отвернулась:

– Я так не думаю. Наказывая вас за преступление, в котором вы были невиновны, король Людовик совершил тяжкую несправедливость. Я всего лишь загладила ее, и ваша жизнь принадлежит только вам... как и прежде. Вы совершенно свободны!

Впоследствии Санси часто жалела, что ответила Рено так сухо. В сущности, она пожалела об этом сразу же, потому что Рено побледнел, а за его спиной старый Жиль Пернон, бывший учитель фехтования в Куси, ставший конюшим, удрученно покачал головой. Но она не могла отказаться от своих слов. Мысль о том, что Рено застали в спальне Маргариты, ее крестной матери, которую она тоже пылко любила, отравляла ей душу. К тому же, она слишком страдала от бесчестия, нанесенного ей султаном, хотя Рено и не знал всех его последствий. Учитывая все эти обстоятельства, было бы лучше, если бы он оставил ее. Хотя бы на время! Санси нуждалась в том, чтобы ее душа вновь обрела мир и покой. Только величественный Валькроз, повисший между небом и землей, возможно, сумеет подарить ей безмятежность. Но с каким же тяжелым сердцем увидела она, как летящая галопом лошадь уносит от нее высокую фигуру того, чье имя отныне принадлежало ей.

В Марселе она оставалась недолго. Шумный город Лакидона¹⁰ только что перенес осаду, которой подвергли его Карл Анжуйский, брат французского короля, и новый граф Провансальский, чья власть была отвергнута. Победенный город зализывал свои раны с горечью, которая делала его менее доброжелательным. Даже в бернардинском монастыре все жаловались на судьбу, а за нового сюзерена молились, скрепя сердце, по принуждению. Санси нуждалась в полной тишине и покое, поэтому уже через неделю она отправилась в путь под эскортом двух вооруженных до зубов слуг и в компании верной Онорины, которая постоянно ворчала, проклиная неудобства дороги.

Для быстрого полета птицы расстояние между Марселем и глубокими ущельями Вердона, на краю которых укрывался Валькроз, не превышало двадцати пяти лье, но эта дистанция была вдвое дольше для тех, кто путешествовал по земле, – изумительной, конечно, и полной воспоминаний, оживавших в душе новобрачной, – но при этом такой ухабистой, такой неудобной для передвижения! Да еще сама Санси удлинила путь, не отказав себе в удовольствии посетить находящийся неподалеку от Сен-Бом грот Марии Магдалины: грешница, которую любил Христос, приехала сюда жить и умерла здесь в полной нищете. К ее жилищу совершались постоянные паломничества. Уже давно Санси благочестиво преклонялась перед Магдалиной, хотя та не была ее святой покровительницей. Все женщины деревни, где прошло детство Санси, разделяли это чувство к раскаявшейся грешнице и препоручали ее заботам девушек, ожидающих замужества, а также дочерей, уже вышедших замуж. В этот раз, карабкаясь сначала по вершинам, заросшим буками, кленами, тополями, белыми дубами, соснами, осинами, сикоморами, тисовыми и кизилковыми кустарниками, а затем взбираясь по козьей тропинке, с едва заметными ступеньками, по отвесной стене, которая заканчивалась влажным гротом, где весь год капала вода, Санси имела совсем другие намерения, нежели в былые годы. Ведь и ее тело было осквернено так же, как и тело дочери Магдалы¹¹, которая приехала сюда увенчать свою святость. Поэтому Санси пришла к ней с просьбой помочь перенести стыд и ожог от болезненной любви к Рено де Куртене.

Она долго молилась, сделала пожертвование крохотному монастырю, открытому совсем недавно у подножья невероятно высокой горы, и вновь двинулась в путь к своему замку, уверенная в том, что найдет его в том же состоянии, в каком оставила. Разве не был он препоручен заботам ее кузена, брата Клемана Салернского, командорство которого – Сен-Мейм-де-Триганс – располагалось неподалеку от замка? Да, она доверилась именно сановнику Храма, и даже после ужасной сцены, пережитой в Тивериаде, она не пожалела об этом, потому что очень любила брата Клемана и не была настолько глупа, чтобы хоть на мгновение вообразить, будто все рыцари-храмовники поклонялись тому же покровителю, что и Ронселен.

Замок Валькроз, расположенный на небольшом расстоянии от городка Каstellан на небольшом холме, откуда открывался фантастический пейзаж – вид на извилистое ущелье, окаймленное заросшими лесом скалами, в глубине которого струился изумрудный поток, – несмотря на свои белые и охряные камни, сохранял суровый внешний вид, обычный для всех крепостей, возведенных в XI веке. Круглые башни с бойницами, защищенные деревянными галереями, соединялись высокими защитными стенами. Донжона¹² не было, но на вершине обширного двора – слегка наклоненного, чтобы соответствовать изгибу холма, – находился большой замок, чей облик обрел некоторую грациозность, благодаря окнам с колоннадой. Чтобы Валькроз был виден с дороги, частично был вырублен густой лес на склонах, кото-

---

¹⁰ Греческое название Старого порта.

¹¹ Мигдаль (в христианской традиции Магдала) – поселение на западном берегу озера в районе горы Арбель, где и произошла история Марии Магдалины.

¹² Главная башня европейских феодальных замков, которая находилась внутри крепостных стен.

рые вскоре превратятся в крутые опасные скалы над таинственными, зияющими глубинами водами Вердона. Путь к замку был непростым: лошади должны быть крепкими, а люди – сильными. Но маленькие ароматные растения, такие как тмин, майоран, дикие пионы и лилии, подбирались почти к подножию замка. А за ним возвышались скалистые холмы, покрытые соснами, дубами, березами и вязами. В этих лесах водится много дичи, за которой охотятся местные жители, богатые, впрочем, и домашним скотом – баранами и козами; их пасли на вершинах холмов, в стороне от опасных ущелий. В излучине потока укрывалась маленькая деревушка. Сборщицы лаванды из замка ходят сюда полоскать белье: идти недалеко, да и крестьяне при малейшей тревоге бегут к домам со своим добром, зная, что убежище им обеспечено.

Этот провансальский край, от чьей грандиозной красоты перехватывало дыхание, был не настолько тяжел для жизни, как это представлялось на первый взгляд, и владельцы замка Валькроз могли соперничать в роскоши с самыми знатными сеньорами: об этом свидетельствовали ковры и затянутые богатыми тканями стены большого зала, стеклянные шкафы, уставленные чудесной посудой из хрусталя, серебра и золота, сундуки искусной работы, красивое оружие – все подтверждало богатство местных баронов!

Стигнутое обширными землями тамплиеров, которые подчинялись командорствам Риу-Лорг и Драгиньян, чьи укрепленные поселения держали под контролем подступы к южным ущельям так же, как и укрепления могучего соседа Каstellана, владение Валькроз не отличалось большими размерами. Тем не менее его хозяин не только обладал прекрасным замком в Бедарриде, к северу от Авиньона, но считался также одним из богатейших сеньоров Прованса, благодаря своим стадам, лесам, фермам и пустошам. А еще люди шептались, что отец барона Адемара привез из крестового похода сокровища, которые наследник спрятал и порой, когда требовалось, умеренно их использовал. Обитатели замка вели щедрую и зажиточную жизнь, но деньгами не бросались.

Санси познала здесь неожиданное, тихое, нежное и безоблачное счастье рядом с пожилым мужчиной, который сумел окружить ее чистой отцовской любовью. Ей всегда этого не хватало, ведь ее отец был человеком властным и бесчувственным. Она научилась любить эту грандиозную природу, пронзенную журчанием многочисленных потоков: Адемар утверждал, что все эти водные каскады в точности повторяют цвет ее глаз. И Санси возвращалась в Валькроз с радостью, с облегчением, – дом казался ей лучшим убежищем для страдающего сердца. Кроме того, она знала, что здесь все сожалеют об ее отъезде и что доброжелательная тень старого покойного супруга тоже ждет встречи с ней.

– Наконец-то мы дома! – вздохнула Онорина, когда на знакомый призыв рога, в который затрубил один из лакеев, перед их лошадьми открылись тяжелые дубовые ворота и со скрипом взлетела вверх подъемная решетка с остро заточенными наконечниками.

Маленький кортеж был замечен уже издалека, и замок гудел, как обезумевший улей. Феодальное жилище – это замкнутый мир, который сейчас шумно пробуждался: здесь смешивались крики конюхов, смешливые восклицания служанок, противоречивые торопливые приказания с кухни, кудахтанье обитателей нижнего двора и доносившийся с укрепленный веселый звук рога, приветствовавший тех, кто въезжал в замок: дама Валькроза вновь почтила своим присутствием дом. Поэтому ей даже не дали времени спешиться: тут же окружили, наперебой забрасывая восторженными восклицаниями. И на сердце у Санси стало тепло. Она нуждалась в любви, и эта любовь была ей дорога. Боже! А какое здесь синее небо, как порхают в нем ласточки!

Она улыбнулась интенданту Максимилиану, Барбетте, отвечающей за кухню и командовавшей целым отрядом помощниц.

Некоторые, кого она знала совсем девчонками, выросли. Сейчас они протягивали ей букетики лаванды и розмарина, поспешно собранные на соседней пустоши, едва лишь часо-

вые объявили о приближении путешественников. Сюда же поспешил прийти и брат Клеман, который именно в этот день приехал в замок с еженедельным визитом. Санси была счастлива увидеться с ним: она очень любила его, и чувство это не изменилось, несмотря на плащ тамплиера с красным крестом, который теперь вызывал у нее отторжение. Но как сомневаться в том, что этот тридцатипятилетний человек, рожденный для стальной кольчуги, сохранил в себе чистоту и горячую веру первых веков Ордена? Его темноволосая мощная голова, его лицо, изрезанное преждевременными морщинами и освещенное добрыми серыми глазами, – все в нем лучилось радостью жизни!

– Как благодарить вас за то, что вы сделали для всех моих подданных, брат Клеман? Здесь ничего не изменилось, словно я уехала только вчера!

– Это вполне естественно, ведь я же дал вам слово сохранить все как есть! Но входите же, мадам Санси, входите в ваш дом! Он ждал вас терпеливо и безмятежно, уверенный в том, что вы вернетесь. Быть может, чуть рановато? Разве король Людовик уже на пути в свое королевство?

– Нет. Но я вернулась сюда замужней дамой. По воле короля и по моей воле я вышла за сира Рено де Куртене, одного из храбрейших рыцарей, который стал моим господином.

– Чудесно! – вскричал брат Клеман с широкой улыбкой. – Это превосходная новость, за которую следует возблагодарить Бога... Но отчего же муж не приехал с вами?

– Король поручил ему доставить послание своей матушке, а у меня нет никакого желания вновь встретиться с мадам Бланкой.

Брат Клеман рассмеялся.

– Как вижу, вы «любите» ее по-прежнему? Что ж, мы подождем возвращения вашего супруга, чтобы познакомиться с ним...

– Возможно, он задержится... поэтому мне нужна ваша помощь, ваши советы во всем, что касается поместья...

Внезапно она смутилась, и тамплиер сразу понял всё: что кое-что неладно у владычицы Валькроза и что этот новый брак, видимо, не принес ей счастья. Но он знал свою молодую родственницу с детства и помнил, что из нее нельзя вытянуть и словечка, если она сама не захочет рассказать об этом. И он всего лишь добродушно заметил:

– Мы подождем его вместе. Вы прекрасно знаете, дорогая Санси, что я никогда не оставлю вас в затруднительном положении.

Как хорошо, что на Клемана можно было положиться, и на мгновение Санси почувствовала искушение во всем ему признаться, но она боялась, что он вообразит себе ее супруга совсем иным, чем тот был на самом деле, и потому предпочла промолчать.

Впрочем, она очень быстро поняла, что Валькроз не скоро увидит своего нового властелина. Действительно, Рено передал королевское послание Бланке Кастильской, которая из-за болезни приняла его в постели, засыпав тревожными вопросами о сыне, а потом отослала, даже не осведомившись о том, как дела у него самого. Рено отправился в Куртене, где теперь постоянно пребывала Мария, императрица Константинопольская. Там же он застал единственного своего друга Гильена д'Ольнэ, а потом долго молился в часовне замка, перед могильной плитой, под которой упокоился его дед Тибо. И затем он узнал – совершенно неожиданно для себя! – что император Бодуэн продолжал в своем наполовину опустевшем дворце бороться с бесчисленными трудностями, обусловленными хронической нехваткой денег и постоянно разбегающимися войсками. Вспомнив, что по примеру других крестоносцев после крестового похода он поклялся прийти на помощь королю Бодуэну, он решил, что должен вновь послужить мечом этому человеку, которому был многим обязан и которого, впрочем, искренне любил. И Рено отправился в Марсель, где можно было сесть на корабль. Оттуда он прислал жене письмо, в котором извещал о своих намерениях. В Валькроз письмо доставил Жиль Пернон. После возвращения из Святой земли здоровье старого конюшего

пошатнулось, хотя он не желал в этом признаваться. Он страдал от приступов ревматизма, который мешал ему ездить верхом, и от астмы. Солнце и сухой климат Прованса могли оказаться благотворными для его организма, поэтому Рено отпустил его окончательно. А в Константинополь он должен был поплыть один...

Получив это письмо, Санси разрыдалась, убежденная в том, что никогда больше не увидит супруга. Очевидно, Оливье не желал ее. Именно в тот вечер она рассказала брату Клеману, каким образом был заключен этот брак. Она не могла совладать с нервами и скрыть от тамплиера свое отчаяние, и святому отцу пришлось сделать над собой усилие, чтобы не преступить закон Ордена, согласно которому рыцарю запрещалось вступать в любой телесный контакт с женщинами: он искренне утешал молодую супругу и хотел бы предложить ей свое плечо, чтобы она могла выплакаться. Впрочем, он все же взял ее руки в свои:

– Не знаю, что сказать вам, дитя мое, хотя вижу, как вы страдаете, и ваша печаль меня безмерно огорчает. Но я думаю, – добавил он с внезапной уверенностью, сам не понимая, откуда она взялась, – в один прекрасный день ваши муки закончатся... и супруг к вам вернется!

– Вы очень добры ко мне, и вы, кажется, убеждены в своей правоте, брат Клеман. Он вернется, говорите вы? Но когда же?

– Это Божья тайна!

Ей пришлось ждать десять лет.

Десять одиноких лет, прожитых вдаль от людей. Новости о внешнем мире она получала от рыцарей-храмовников или от трубадуров, охотно заходивших в гостеприимный замок на холме, где молодая хозяйка, очень серьезная и вместе с тем обворожительная, умела слушать, улыбаться и щедро вознаграждать за труды. О ней уже начали слагать легенды: мол, живет она без супруга, который уехал далеко и никогда не вернется, но она все ждет и ждет его, не обращая внимания на окрестных знатных сеньоров, которые жаждут попросить ее руки или хотя бы просто утешить. От гостей Санси узнала и о смерти Бланки Кастильской, а потом о возвращении – спустя два года – ее сына, которого королева-регентша с таким нетерпением ждала. От одного из братьев-тамплиеров, который решил однажды проведать Санси, она услышала – поскольку брат этот побывал в Париже, – что король Людовик, все еще переполненный благочестивыми размышлениями, почерпнутыми в Святой земле, и вдобавок удрученный смертью матери, серьезно подумывал о том, чтобы постричься в монахи. Это вызвало необычайную вспышку гнева королевы Маргариты, которая объявила, что она в таком случае уедет в Прованс, оставив королевство на волю судьбы. И больше о монастыре разговоров не было: Людовик продолжил царствование, которому в скором времени суждено было вызвать восхищение и народа, и других монархов западного мира.

Благодаря брату Клеману, которого хозяйка замка теперь почти не видела, потому что он в силу важнейших поручений Ордена находился вдаль от Триганса¹³, она, с помощью верного Максимена, научилась искусству управлять своими владениями. Жиль Пернон, которому прекрасное солнце и ежедневное употребление тмина, розмарина и чеснока практически вернуло молодость, тоже помогал Санси: он сопровождал ее почти повсюду. Дел же было предостаточно: в течение нескольких лет Карлу Анжуйскому пришлось воевать, чтобы вырвать – город за городом – свое графство Провансальское из рук тещи, вдовствующей графини Беатрисы Савойской. Из-за войны в горную долину Вердона хлынуло множество беженцев. Однако некоторые предпочли остаться здесь навсегда, отчего население здешних мест увеличилось, – в дальнейшем это приведет к развитию этой области. Одна семья гончаров, сохранившая традиции греческих мастеров, изгнанная сначала из Марселя, а потом из Бриньоля, поселилась в Мустье, где не было недостатка ни в глине, ни в воде, ни в дровах

---

¹³ Местность в Провансе, неподалеку от реки Вердон.

для топки, – здесь они и обосновались, принеся первую славу селению, куда уже стекались многочисленные паломники¹⁴.

А потом наступила та рождественская ночь, воспоминания о которой так сладко волновали Санси...

Тем вечером было холодно. Ветер, налетевший с Альп, свистел и завывал, но даже в самых глубоких равнинах слышался монотонный звон колоколов, которые призывали на полуночную мессу крестьян всех селений. Небо сверкало звездами, оно напоминало королевскую мантию, накинутую на плечи этих славных людей. С факелами и масляными лампами в руках они отправлялись праздновать великое таинство Рождества в церкви и часовни.

Колокол в часовне Валькроза гремел, как и все прочие, созывая обитателей деревушки – не больше двадцати домов! – к замку, где их уже ожидали. Когда люди входили во двор, их лица озарялись улыбками, причиной тому были аппетитные запахи, доносившиеся из кухни. Все знали, что после мессы их пригласят за праздничный стол, накрытый в большом зале, где они разделят со своей хозяйкой разнообразные яства.

Санси встречала гостей у ярко освещенного входа в маленькое святилище. Одета в красивое платье из зеленого сукна – под цвет глаз! – с золотой вышивкой и меховой оторочкой из горностая, с вуалью на лице того же оттенка и кружевной шалью, наброшенной на плечи, она была невыразимо прекрасна, невзирая на чуть длинноватый нос, который всегда приводил ее в отчаяние. Она приветствовала всех чарующей улыбкой, открывавшей сердца славных крестьян, с которыми она после своего возвращения проводила Рождество, предпочитая их общество компании самых знатных сеньоров. Они были признательны ей, и в Валькрозе этот праздник с нетерпением ждали весь год. Это был тот свет, к которому они шли, словно волхвы к Вифлеемской звезде. Рядом с Санси, немного позади, стояли Онорина в огненно-красном платье и Жиль Пернон в своем лучшем кафтане, подбитом мехом. Тут же пристроилась и толстая Барбетта, жена Максимена, со всей семьей, разодетой в лучшие наряды и явно гордившейся своей близостью к хозяйке замка.

Внезапно Пернон тронул за руку Санси.

– Мадам! – пробормотал он, задыхаясь от радости. – Вы только посмотрите, кто к нам приехал!

Во двор входил рыцарь, ведя на поводу лошадь, с которой он спешил после изнурительного подъема. Очень высокий, он немного сутулился, вероятно, устав после долгого пути. Из-под широкого плаща поблескивала кольчуга, сбитый на плечи капюшон открывал светлые волосы, суровое, красивое и загорелое лицо с глубокими черными глазами, которое портил – не лишая, впрочем, обаяния – длинный шрам, протянувшийся от виска до уголка губ.

Санси почувствовала, что у нее остановилось сердце. Она пожирала глазами рыцаря, который направлялся прямо к ней, и во взгляде его полыхало пламя, прежде ей неведомое. Наконец она бросилась к нему навстречу и удержала его, когда он хотел преклонить колени. Ей хотелось видеть его лицо.

– Рено! Неужели я вновь вижу вас?

– Точнее, то, что от меня осталось! Я даже не надеялся, что вы узнаете меня... милая моя дама!

– Из-за вашей раны? Это не имеет значения, ведь вы совсем не изменились!

– Нет, нет, я изменился! А вот вы... вы изумительно красивы! Именно о такой женщине я всю жизнь мечтал!

---

¹⁴ Знаменитый фаянс появится только в XVII в. (Прим. автора.)

– Вы мечтали обо мне? Значит, вы и в самом деле изменились... но проходите же! Сейчас начнется месса, и все ждут только нас! Когда служба завершится, я представлю нашим людям сеньора, приезда которого они ждали с таким же нетерпением, как и я.

– Вы хотите сказать, что принимаете меня... что желаете видеть после столь долгого отсутствия?

– В Марселе я сказала вам, что вы можете приехать, когда захотите. И вот вы здесь! Все хорошо. Пойдемте! – добавила она, взяв его под руку.

Вместе они вошли в часовню, которая звенела от рукоплесканий. Плачущий от радости Пернон не стал дожидаться их прихода и во всеуслышание объявил прекрасную новость всем присутствующим. Возникший из-за этого переполох был прерван звоном колокола, который дернул за веревку мальчик из хора, возвестивший о прибытии священника – в данном случае, замкового капеллана.

В церкви, тесноватой из-за низкого свода и приземистых колонн, но благоухающей сосной и всеми травами пустоши, смешанными с ароматом елея, была отслужена прекраснейшая месса. В последующие дни и годы было отслужено множество других, но именно эта навсегда запечатлелась в сердце Санси. Потому что свершилось невероятное, потому что Рено не сводил с нее глаз, потому что сжимал ей руку на протяжении всей службы, и она понимала, что сейчас он любит ее по-настоящему. Не меньше, наверное, чем любил королеву, и, наверное, более страстно, ведь ему уже минуло тридцать пять лет, и он был теперь зрелым мужчиной, который уверен и в своем выборе, и в своих чувствах.

И когда, по окончании ночной трапезы, они оказались наедине, лицом к лицу, в большой господской спальне, куда их отвели самым церемонным образом, словно то была свадебная опочивальня, Санси, забыв все прежние страхи, стыдливость, вызванную пережитой скверной, позволила Рено развязать бант на своей рубашке и предалась страсти, которую, как она была теперь уверена, делила вместе с ним и которая вознаградила их сверх всяких ожиданий...

Только на следующее утро они начали разговаривать.

Рено нуждался в этом больше, чем Санси, – естественно, ведь ему надо было столько рассказать! Прежде всего, о своей жизни в Константинополе, городе, который стал очень опасным при императоре, сидевшем на скудной диете, но все же успешно противостоявшем Михаилу Палеологу, греческому претенденту на трон бывшей Византии. Убийственные стычки, все более и более опасные вылазки, поражения – вплоть до той ночи, когда один из жителей города провел врагов по подземному ходу, а император, спокойно спавший в своем дворце Буколеон, об этом даже не подозревал. Греки отвоевали свой императорский город и не намеревались больше отдавать его. Надо было бежать. Бодуэн, под защитой нескольких верных соратников, сумел занять место на галере, бросив по пути свою диадему, пурпурные башмаки и все знаки императорского достоинства. Латинское королевство, основанное после крестового похода, отклонившегося от религиозной цели¹⁵, рухнуло после пятидесяти семи лет существования.

– Мы добрались до Негрепонта¹⁶, потом до Сицилии, потом до Неаполя, затем была долгая дорога в Куртене: там он, больной и лишившийся всех иллюзий, встретился, наконец, со своей супругой Марией... как и я встретился с вами, но столь же бесславно!

– Зато в добром здравии, и за это я не устану благодарить Господа! Значит, из всех тех, кто на Кипре поклялся выступить на помощь своему несчастному сюзерену, никто не сдержал слова... Вы оказались единственным?

---

¹⁵ Имеется в виду IV поход, когда крестоносцы взяли штурмом Константинополь.

¹⁶ Остров Эвбея.

– Можно сказать и так, но не забывайте, что многие умерли, а другие, кого с трудом удалось освободить после тяжелого египетского плена, жаждали только одного – вернуться домой. Король тоже вернулся во Францию и, несмотря на казну, опустевшую из-за неудачного крестового похода, вновь стал мудро править, чем завоевал любовь подданных и восхищение соседей. Кстати, и на Святой земле он укрепил защитные укрепления многих городов и крепостей, оставив этот край в относительном спокойствии...

– Но без существующего короля, без настоящей армии, без реальной власти! Что можно сделать, когда с одной стороны тебя окружают монголы, а с другой – жестокий Байбарс, ведь они так и жаждут прибрать к рукам остатки Франкского государства! Быть может, наш сир умиротворил свою душу, совершив паломничество, о котором он так мечтал, я же полагаю, что ему лучше было не покидать Францию...

Рено засмеялся.

– Похоже, ваше отношение к королевскому семейству не изменилось? Вы по-прежнему суровы к нему!

– Не ко всем его членам. Я жалею мадам Маргариту... которую всегда любила. А вы?

Выпалив этот прямой и неожиданный вопрос, Санси ощутила, как у нее замирает сердце. Но лицо ее супруга осталось таким же оживленно-радостным. Правда, он ответил не сразу, но привлек Санси к себе и нежно поцеловал ей волосы. Потом он вздохнул:

– Этот огонь давно угас. Он родился по причине невероятного сходства ее с моей прабабкой Изабеллой Иерусалимской, в которую я, кажется, слегка влюбился, когда раздобыл ее портрет, ведь я никогда не видел такого восхитительного лица. Остальное дополнило воображение... Но после нашей свадьбы, во время этого путешествия, когда вы держались столь отстраненно, после нашей разлуки... в общем, за все эти годы, которые я провел на земле, отныне вновь и навсегда византийской, где я не понимал ничего, где чувствовал себя полным чужаком, несмотря на дружбу императора, я стал видеть прошлое иначе, и постепенно во мне родилось сожаление о том, что я потерял вас, при этом так и не добившись вашей любви. Вы думали только о Боге и согласились выйти за меня только из любви к королеве.

– С чего вы взяли, что я сделала это из любви к королеве? Король, сознавая это или нет, изнывал от ревности. Он жаждал лишить вас головы... а я бы умерла от горя, если бы он убил вас. Мне не нужно теперь скрывать это от вас, милый мой сеньор. Я любила вас с тех пор, как почувствовала себя женщиной. Вот в чем единственная причина моего согласия! Но я стыдилась вас, потому что мое тело было осквернено султаном... и последствиями его притязаний.

– Неужели у вас был от него... ребенок?

– Господь сжалился надо мной: я потеряла дитя, когда мы попали в шторм. Только Онорина знает об этом. А я бы скорей перерезала себе горло, чем призналась вам в этом...

– Забудьте об этом, сердце мое, у нас с вами будут другие дети. Наши дети!

– Не поздно ли? Мне тридцать лет!

– А мне тридцать шесть! Но мы вовсе не старые!

– Кстати, о детях, где ваш юный друг Василий? Я так обрадовалась, что вы вернулись, что даже не спросила о нем. Надеюсь... с ним не случилось ничего неприятного?

– О нет! Он просто женился. В Византии он познакомился с хорошенькой дочкой торговца тканями из квартала Буколеон. Они полюбили друг друга, и родители Мелиссы, соблазненные приданым, которым одарил ее император, приняли его с распростертыми объятиями. Он стал заниматься ремеслом своих отцов. Он счастлив... и у него уже два сына. Признаюсь вам, я ему завидовал. Поэтому, милая, я бы очень хотел, чтобы вы сделали меня отцом...

– Конечно, вы тоже хотите сыновей!

– Ничего не имею против дочерей, если они будут похожи на вас!

К несчастью, ждать пришлось долго. Санси беременела четыре раза, но младенец либо рождался мертворожденным, либо умирал всего через несколько часов, к великому отчаянию родителей. Несколько раз Санси совершала паломничество в Сен-Бом, что представляло собой долгое и нередко тяжелое путешествие, поэтому она, в конце концов, отказалась от этого. По настоятельной просьбе супруга, которому она никогда не разрешала сопровождать ее. Именно он в один прекрасный день отвез ее в Мустье, заявив, что нужно просить Богоматерь, которой более подобало заботиться о детях, в отличие от Марии Магдалины, никогда не рожавшей. И, наконец, их желание исполнилось: рождественской ночью 1270 года, когда церковные колокола по всему Провансу гремели под небом, таким же звездным и синим, как и в день возвращения Рено, раздался и первый крик Оливье. Малыш кричал без устали, и было похоже, что ни у кого в окрестностях нет таких сильных легких.

После него у супружеской пары, чья любовь становилась все сильнее, детей больше не было, но Оливье был таким непоседой, что с ним одним хлопот было достаточно. От отца он унаследовал светлые кудри, от матери – большие зеленые глаза с легким сероватым оттенком; их озорной взгляд со временем стал задумчивым. У него был сильный и смелый нрав, подобный мечу, владеть которым его обучил, невзирая на очень преклонный возраст, старый Пернон. В замке мальчика обожали все. Тем не менее отец с матерью сумели воспитать его, не слишком балуя чрезмерной любовью и приторными похвалами. И еще один человек принял участие, быть может и невольное, в формировании юноши – это был брат Клеман, вернувшийся в Прованс после нескольких лет отсутствия.

Теперь он стал одним из высших сановников Ордена Храма. Долго прожив на севере, он сблизился с Гийомом де Боже, который стал Великим магистром. Брат Клеман совершил вместе с ним поездку в Сен-Жан-д'Акр.

Будучи в родстве с королем Франции, обладая непоколебимым моральным авторитетом, равно как и необыкновенной храбростью, брат Клеман сумел вернуть Ордену его величие. Поэтому Великий магистр, хоть и сожалел о расставании со своей «правой рукой», с человеком, которого он особенно любил, послал его в Прованс, где дома Храма приходилось нелегко. И это не считая требований графа Карла Анжуйского, воцарившегося теперь в Сицилийском и Неаполитанском королевствах, и вечно бунтующих городов, требующих себе такого же статуса, каким обладал Марсель.

Итак, брат Клеман вернулся, но, пренебрегая Марселем, решил возглавить крупное командорство Риу, что позволило ему вернуться в родные края, укрепить свои владения и возвысить свой авторитет в умах людей, оставаясь в стороне от городских волнений. Естественно, его связи с обитателями Валькроза возобновились и укрепились. Он подружился с Рено, а маленький Оливье с обожанием глядел на обоих. Постепенно сильная личность тамплиера, его безупречная вера и чистота его почти монастырских нравов внушили мальчику такое благоговение, что он стал считать Клемана неким новым архангелом, спустившимся на землю, чтобы искупить грехи человеческие.

Санси, как внимательная мать, первой обратила внимание на эту привязанность, но не расстроилась, полагая, что по мере возмужания сын начнет больше интересоваться девушками и отвернется от суровой жизни тамплиеров. Она прекрасно помнила о чувственных аппетитах своего супруга, всегда доставлявших ей несказанное счастье, и не без оснований полагала, что яблоко от яблоньки недалеко падает, да и пса не превратить в кота. Однако Оливье, хоть и любил лошадей, оружие, охоту, песни трубадуров, прославлявших воинские подвиги и даже любовь к дамам, казалось, не интересовался женским полом, предпочитая долгие разговоры с капелланом Ансельмом, кротким и ученым священнослужителем, который делился с ним своими знаниями. В конце концов родители забеспокоились.

– Не закончится ли это тем, что он в один прекрасный день попросит у нас разрешения выстричь себе тонзуру? – взорвался, наконец, и Рено, который решил поговорить с отцом